

**БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ МЫСЛИ**

О книге и ее авторе (Вместо предисловия)

Для кого эта книга? Для всех, кому дорог родной язык. Для всех, кто говорит на русском языке, любит его, болеет за него. Взгляните на названия главок: «Мистер с аршином», «Свинки замыкали», «Предки Адама» — и станет ясно, что это не сухой трактат для коллег автора — переводчиков и редакторов.

Да, для них она — незаменимый советчик.

Но — не только для них.

«Книга бесценна для всех, кто пишет», — говорилось в одном из читательских писем.

Да — для литераторов, журналистов.

Но — не только для них.

Преподаватели говорили Норе Галь, что книга служит им в работе со студентами.

Да, но — не только для них.

Это доказали сотни читательских писем.

Откликнулись на книгу люди самых разных профессий.

«Читала ее как роман, захлеб, запоем». «Вы своей книгой так обострили мой слух». «Меня поразили эрудиция автора «Слова», тончайшее чувство всех тайн великого русского языка...»

Нора Галь собирала материал для книги лет двадцать. Впервые «Слово живое и мертвое» опубликовано в 1972 году. Но работа не прекращалась. Второе издание (1975 г.) дополнено новыми примерами. Третье (1979 г.) — главкой «Веревка — вервие простое».

При подготовке четвертого издания (1987 г.) Нора Галь проделала огромную работу: просмотрела с английским оригиналом наиболее характерные переводы своих наставников-кашкинцев и создала раздел «Поклон мастерам», главки-портреты нескольких блестящих переводчиков, благодаря которым мы ощутили на русском языке неповторимый лаконизм Хемингуэя и прелесть «Маугли», своеобразие Голсуорси и Фицджеральда. Пятое издание (2001 г.) вышло уже без Норы Галь. Но и оно по традиции обогащено. Словно продолжая раздел «Поклон мастерам», Ю. Яхнина дает высококвалифицированный анализ творчества самой Н. Галь в статье «Три Камю». Статья Р. Облонской рисует человеческий облик замечательной переводчицы.

В шестое издание (2003 г.) целиком вошел раритетный (тираж всего 200 экземпляров!) сборник 1997 года, посвященный памяти переводчицы. А это — и две ее собственные мемуарные статьи, и воспоминания друзей и близких, и стихи — от детских до неожиданно выплеснувшихся уже в последние годы жизни, и самые интересные места из обширной переписки Норы Галь, и вновь выверенная библиография...

Седьмое издание (2007 г.) тоже дополнено: автографы коллег, писателей, поэтов на книгах, подаренных Норе Галь, по-своему дорисовывают ее облик.

Тираж ранних изданий «Слова...» — 10 000, 33 000: уже немало, особенно по нынешним меркам. Но подлинно массовый отклик принесло книге удивительное событие. Первое издание попало в руки главному редактору журнала «Наука и жизнь» Виктору Николаевичу Болховитинову.

Молодежь сейчас не представляет, а люди постарше помнят, какой популярностью пользовался журнал в 1960–1970-е годы. Он был в каждом интеллигентном доме. Им увлекались и «физики», и «лирики». И этот-то всенародно любимый журнал в четырех номерах отвел свои страницы для книги Норы Галь! Рецензия, главки из книги.

Много лет спустя я случайно узнала: когда В. Н. Болховитинова кто-то спросил (может быть, сама Нора Галь), как же он печатает куски из уже опубликованной книги, он ответил: «Что мне ваши несчастные десять тысяч, когда у меня тираж — три миллиона!»

И на эти четыре публикации посыпались дождем читательские отклики.

Писали читатели. Врачи. Программисты. Геологи... Всех задело за живое. Люди горячо поддерживали автора, присылали охапки своих примеров, подтверждающих его мысли. Все разделяли боль автора за то, что творят с русским языком не только бездарные, нерадивые переводчики, но нередко и прочие литераторы, журналисты, а пуще того — радио, телевидение, газеты...

Конечно, все письма пересылали автору. И Нора Галь, при всей своей безмерной загруженности очередным переводом, непременно отвечала на все письма. Сколько их скопилось в ее архиве — в папках, в конвертах, в коробках... Нора Галь не уставала удивляться их неожиданности и разнообразию. Молодой врач из Киева берет на вооружение ее советы для своих популярных медицинских статей. Программист из Одессы советуется, как овладеть искусством перевода, присылает свои пробы. Пожилой врач из Питера обретает в книге Нору Галь поддержку в своих частых спорах с редакторами, зараженными «канцеляритом». Даже математик находит в книге «соблазнительную строчку», которая может служить эпиграфом к его работе. Малая толика этой переписки — в настоящем издании.

Кто же такая Нора Галь?

Для внимательного читателя имя ее связано прежде всего с замечательным французским писателем Антуаном де Сент-Экзюпери. Благодаря ей заговорил по-русски «Маленький принц». Прекрасный наш актер Евгений Леонов в своих «Письмах сыну» назвал Нору Галь «мамой Маленького принца». С легкой руки Леонова одна из статей о Норе Галь так и называлась — «У Маленького принца в Москве жила мама».

Нора Галь проработала в литературе более полувека. Родилась она в 1912 году. Первые ее стихи напечатаны в 13 лет (в 1925 г.), первая проза — в 23 года — «Повесть о друзьях» (в 1935-м).

Окончив в 1937 году МГПИ и в 1941-м, в канун войны, — аспирантуру, Нора Галь активно сотрудничает как критик и литературовед в журнале «Интернациональная литература». С 1936 года ее статьи о новинках французской литературы регулярно публикуются в этом журнале, в «Литературном обозрении», «Литературном критике» и др.

В 1942 году Нора Галь впервые попробовала свои силы в переводе, а с 1948 года окончательно уходит в перевод.

В первые послевоенные годы с работой было трудно. Пришлось начинать с нелюбимого Драйзера — «Американская трагедия»

дия» и «Дженни Герхардт», переводы вдвоем с напарником, как она выражалась, «в упряжке». Потом — классика: «Одержимый» Диккенса, «Смок и Малыш» Джека Лондона, «Пища богов» Уэллса, «Позолоченный век» Твена (опять «в упряжке»), рассказы Брет Гарта, Эдгара По...

В 1959 году Нора Галь перевела «Маленького принца», и это изменило ее судьбу. Она стала признанным мастером и уже могла выбирать работу по душе. А предпочитала она тонкую психологическую прозу XX века. Среди любимых ее переводов — «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Посторонний» А. Камю, «Корабль дураков» К. Э. Портер, «Сад радостей земных» Дж. Оутс, мировой бестселлер «Поющие в терновнике» К. Маккалоу, «Домой возврата нет» Т. Вулфа и «Убить пересмешника» Харпер Ли — книга, необходимая в каждом доме, где есть ребенок, подросток (последние две — совместно со своей ученицей и другом Р. Облонской), рассказы У. С. Моэма, Дж. Сэлинджера... В ее переводе заново зазвучали блистательные пьесы Пристли «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей»...

Очень дороги были ей работы, на ее взгляд, несправедливо обойденные вниманием издателей (и тем самым — читателей). Это прежде всего «Несчастный случай» Д. Мастерса — роман о гибели американского физика от атомного облучения. Быть может, если бы эта книга была вовремя издана большим тиражом и ее прочли все физики, от студентов до академиков, — не было бы Чернобыля. Два романа Невила Шюта, автора, почти неизвестного у нас. А ведь по его роману был поставлен всемирно известный фильм Стенли Крамера «На последнем берегу». Два его романа — первый перевод Норы Галь (1942 г.) «Крысолов», ждавший публикации сорок лет, и последний перевод «На берегу» — вышли в конце 1991 года. Она уже не дождалась выхода этой книги, не успела взять ее в руки. А тот же Евгений Леонов признавался в «Письмах сыну», что плакал над «Крысоловом»: «Я бы с радостью сыграл роль старика. Впрочем, такую роль каждый захотел бы сыграть».

В творческом наследии Норы Галь рядом с ее «экзюперацией» стоит ее «брэдбериана». Нора Галь горячо, по-молодому увлекалась фантастикой. Перевела два романа: «Конец детства» А. Кларка, очень актуальный в наш век увлечения экстрасенсами, и «Всякая плоть — трава» К. Саймака. Она перевела около трех

десятков рассказов самого любимого своего фантаста — Рэя Брэдбери и около трех десятков — других фантастов, от Азимова до Шекли. Эти рассказы, разбросанные по разным журналам и сборникам, в последние годы удалось соединить в авторских сборниках «Планета НОРАГАЛЬ», «Голоса Пространства: Избранная зарубежная фантастика в переводах Норы Галь», а также в двухтомнике издательства «Мир» «Звезда по имени Галь», включающем все фантастические рассказы в ее переводе.

Своим названием два сборника обязаны удивительному событию. Летом 1995 года именем переводчицы названа малая планета — планета НОРАГАЛЬ. Теперь где-то в космосе она вращается по соседству с планеткой любимого ею Маленького принца. Такой фантастический подарок судьбы за жизнь, отданную литературе!

Полвека работы в литературе дали Норе Галь право написать книгу о своем опыте.

Всю жизнь к каждому слову она относилась придирчиво и трепетно. Тот же «Маленький принц» переиздавался 40 лет, и к каждому переизданию Нора Галь снова и снова шлифовала текст. Так же тщательно, кропотливо, неутомимо совершенствовала тексты, которые ей приходилось редактировать. Дважды вела семинар молодых: в конце 50-х, когда раздобыла для своих учениц на перевод рассказы Драйзера, и в конце 70-х, уже вместе с Р. Облонской.

Да и просто обычные книги она нередко читала с карандашом в руках, отмечая особо выдающиеся «ляпы», собирала газетные вырезки. Работа самой Норы Галь при ее жизни лишь один раз удостоилась серьезного профессионального анализа. Статья Ю. Яхниной «Три Камю» — сравнение трех переводов «Постороннего» — была напечатана в сборнике «Мастерство перевода» в 1971 году. Давно забытая, она перепечатана в 1997 году в сборнике «Нора Галь. Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография». Несмотря на крохотный тираж, книжечка не прошла незамеченной: отклики Льва Разгона в «Литературной газете», Кира Булычева в «Независимой газете», Лазаря Шерешевского в «Знамени», Андрея Углицких в «Новом мире». А спустя два года, в самом конце 1999-го, неожиданно рецензия на эту книжечку появилась в «Новом литературном обозрении».

«Это сегодня стало очевидно, что переводные романы 1960—1980-х годов и есть лучшая отечественная проза, — пишет критик. — Намеренно сдержанный стиль предисловия (автор — внук Норы

Галь) лишь в малой степени отражает эмоциональный ключ книги, ту высокую ноту, что задана темой разговора, разговора о переводе как о культурной миссии и о замечательной переводчице, одной из последних среди мастеров старой школы...»

Прочитировав чудовищный «ляп» из современного «коммерческого» перевода, автор рецензии заключает ее смелым пассажем:

«...предлагаю издать сборник “Нора Галь” массовым тиражом: для обязательного распространения среди издателей и переводчиков. Некоторые страницы желательно выучить наизусть (статью Яхниной — целиком), после чего соискателям можно выдавать лицензию на отстрел (перевод) одной-двух книг иностранных авторов».

Разве нельзя сказать того же о книге самой Норы Галь?

В четвертом издании, подводя итоги за 15 лет, прошедшие после выхода первого издания, Нора Галь писала: «У автора за это время накопилось вдоволь новинок — печальное свидетельство того, что все до единой болезни языка, о которых говорилось в книжке, отнюдь не сходят на нет... Особенно щедро, увы, пополняют жизнь главы о том, как назойливо захлестывает нас поток иностранных слов». «Не успеешь... отбиться от чего-то одного, хват — надвигается новый вал», — отмечала Нора Галь.

Идут годы, но книга не стареет. Увы, и сейчас, готовя новое издание, приходится повторить: все болезни языка умножились десятикратно. Вот наугад включаю радио, да не какое-нибудь — Христианское, — и что же оно обрушивает на слушателя? «Эксклюзивные последствия Христа в России», «тусовка с участием патриарха», «МП — структура, паразитирующая на РПЦ». И еще: «много соблазнительных фактов об обмане с квартирой», «нельзя эти требования удовлетворить в силу их очевидного ущерба»... Что ж такое? Не знаю, чего не поделили по существу между собой МП и РПЦ (Нора Галь выступала и против мании сокращений, но в голову не приходило, что эта волна докатится и до Московской патриархии и Русской православной церкви!). Но каков язык! Тут все беды, с которыми воевала в своей книжке Нора Галь: и чудовищный канцелярит, и засилье иностранных слов, и дикая несочетаемость слов, и полная душевная глухота. Точь-в-точь из раздела книги «Как кошка с собакой»: «Слова прямо-таки шипят друг на друга». Тусовка и патриарх! «Служба по погибшим воинам» названа *мероприятием*. И все это буквально случайно поймано за пять минут. Право же, как пишет Нора Галь, «хочется кричать “карау!”»!

Мы же просто теряем язык!

И кто-то же должен стоять на страже, защищать его.

Да, пишет Нора Галь, «есть рыцари, которые не щадя сил сражаются за честь Слова». И называет уважительно и благодарно Корнея Ивановича Чуковского, говорит и о том, как охраняют чистоту родного языка во Франции и в маленькой Исландии...

По справедливости, это звание «рыцарь Слова» в полной мере можно отнести и к самой Норе Галь. Правда, кто-то из читателей первого издания назвал этого рыцаря Дон Кихотом, одиночкой в борьбе с неодолимыми великанами. «Да, канцелярит не сдается, он наступает...» — признается Нора Галь. Но ее девиз — «сдаваться без боя стыдно».

И в своей книге она неутомимо атакует со всех сторон «слово мертвое» — казенное, бездушное. Засыпая над скучной книгой, мы порой не можем понять, чем именно она отталкивает. Нора Галь наглядно показывает, какие именно пороки делают словесную ткань «серой дерюгой». Правда, иные примеры, которые в первых изданиях резали глаз, казались вопиющими, сейчас уже так примелькались, «вошли» в язык, что не каждый читатель сразу поймет, чем же возмущается автор. Но, к счастью, Нора Галь дает рядом свой вариант: как перевести унылую канцелярщину на свободный «многоцветный» язык. И как же сверкает в этой книге всеми гранями «слово живое»! Фраза словно омылась живой водой. Какой подарок читателю, какое наслаждение для глаза и слуха следить за этим чудом преображения! Следить, как мастер достает из необъятных кладовых языка тускнеющие без употребления жемчужинки, как черпает золотой запас из копилки опыта.

Ведь читая хорошую прозу, хотя бы «Маленького принца», разошедшегося на поговорки, мы не всегда понимаем, как создается, чем достигнута эта прозрачность, легкость, звонкость стиля. И тут мастер приоткрывает нам секреты. Немного — свои: как, к примеру, создавалась по-русски поэзия «Маленького принца». Нора Галь была человеком потрясающей скромности. Стоило большого труда уговорить ее рассказать о каких-то находках и удачах из собственного опыта, написать несколько страничек о работе над «Маленьким принцем». Больше говорит она об опыте своих учителей.

И сегодня книжка востребована, спрос на нее выплеснулся за пределы нашей страны. Шведский университет просит прислать книжку, и шведский филолог ссылается на нее в своих трудах. Быв-

ший наш соотечественник из Израиля пишет: «После прочтения книги Н. Галь считаю ее своим учителем». Московская переводчица рассказывает: ее друг открыл свое маленькое издательство, недоволен качеством переводов — взял у нее «Слово живое и мертвое» и раздает своим переводчикам в ксерокопиях! А вот — отклик из-за океана, от Валерия Берестецкого — того самого программиста из Одессы, что учился у Норы Галь переводу. Теперь он в Канаде, через Интернет нашел книжечку о Норе Галь и отозвался взволнованным письмом. Вспоминает прежде всего «Слово живое и мертвое»:

«Книжка со мной уже двадцать лет, все эти годы я пользуюсь ею как справочником и всякий раз, открывая ее, нахожу что-то еще, полезное и нужное именно сейчас... Я ведь и раньше пытался понять, что же это за труд такой, когда надо за сценой перевоплощаться в героев книги, которую пытаешься перевести, заставлять их говорить на русском, да еще так, чтобы читатель поверил... И вот я очутился в мастерской Автора, и мне терпеливо объясняют тонкости ремесла... и в каждой строчке “Слова” сквозят доброта, знание и терпение.

Книжка работает. Уже в эмиграции, вырванные из привычной и родной языковой среды, мы вчитываемся в “Слово”, и книга помогает сохранить чистоту языка в непростой обстановке. Восемь лет я живу в Канаде, и только здесь я понял: книжка помогает учить детей живому языку, в ней собраны бесценные примеры, такие нужны именно здесь, вне русского языкового окружения. К сожалению, мутный поток низкосортной продукции, переведенной неумелыми ремесленниками и издаваемой громадными тиражами, захлестывает книжные прилавки. Все реже и реже на них можно найти прекрасно воссозданные мастерами по-русски книги Хемингуэя, Брэдбери, Саймака, Ли... На чем же тогда учить и воспитывать детей? Тут-то и приходит на помощь “Слово” — книжка учит понимать, чувствовать и защищать родной язык от вторжения невежества и бескультуры».

Быть может, символично, что именно Интернет — самое совершенное достижение современности — принес и такие слова о труде Норы Галь: «Во-первых, это искусство понимания, предполагающее и готовность, и, главное, умение воспринимать, более того, уважать иной, отличный от собственного способ чувствовать и мыслить.

Во-вторых, это уровень культуры и нравственного самосознания, позволяющий вести на равных диалог и с Сент-

Экзюпери, и с Камю, и со многими другими классиками мировой литературы XX века.

В-третьих, это искусство слова, превосходящее тот уровень, который годится для «обычной» хорошей прозы: тут ведь особая гибкость нужна, чтобы уметь выразить тончайшие нюансы чужого мировосприятия.

Слово в обиходе Норы Галь никогда не было просто обозначением предмета, действия или состояния — оно было атомом души; в микромире слова для нее содержались все оттенки мироотношения (включая нравственное самосознание), характера, судьбы».

Вероятно, тут не будет натянутой аналогия с известными стихами Анны Андреевны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»... А это уж подлинно — забота всех нас.

Эдварда Кузьмина

Для ясности

Автор этой книжки не лингвист и отнюдь не теоретик. Но когда десятки лет работаешь там, где главный материал и инструмент — *СЛОВО*, накапливается кое-какой опыт.

Автору приходилось много учиться, а подчас и учить. Приходилось иногда писать, довольно много переводить, немало редактировать. В качестве переводчика случалось спорить с редакторами, а в качестве редактора — с переводчиками и вообще с людьми пишущими. Порой приходилось яростно доказывать иные спорные и даже бесспорные истины, устно и на бумаге повторять их снова и снова, без конца, самым разным людям, чаще всего молодым. В таких случаях автор вовсе не стремился развивать теоретические положения, а старался показать и доказать на деле: вот так лучше, а эдак хуже, так верно, а эдак неверно.

Так сложилась книжка. В ней не без умысла дано много разных примеров. Если угодно, это отчасти даже справочник, наглядное (но, конечно, отнюдь не всеобъемлющее!) пособие.

Допустим, я говорю: в любой статье, заметке, даже в ученом труде, стократ — в художественной прозе почти всякое иностранное слово можно, нужно и полезно заменить русским, а отглагольное существительное — глаголом. Кое-кто возражает: это, мол, не нужно и ничуть не лучше. Или: это очень трудно, подчас невозможно. Что ж, вот перед вами на каждый случай примеры из практики. Смотрите, сравнивайте и судите сами.

Это — об истинах азбучных. А сверх того, в работе со словом, как и во всяком другом труде, есть и кое-какие тонкости, сво-

его рода приемы — в меру опыта и умения стараюсь кое-что рассказать и о них.

О том, как огромна роль слова, роль языка в жизни человека и человечества, говорится не первый день и не первый век. Об этом говорили и писали величайшие мыслители, ученые, поэты. С этим как будто никто и не спорит. И все же на практике всем нам, кто работает со словом, ежечасно приходится чистоту его отстаивать и охранять.

Каждого ученика, подмастерья, стоящего на пороге любой профессии, где работать надо со словом, хорошо бы встречать примерно так:

— Помни, слово требует обращения осторожного. Слово может стать живой водой, но может и обернуться сухим палым листом, пустой гремучей жестянкой, а то и ужалить гадюкой. И слово может стать чудом. А творить чудеса — счастье. Но ни впопыхах, ни холодными руками чуда не сотворишь и Синюю птицу не ухватишь. Желаем тебе счастья!

Скажут: для чудотворства ко всему нужен талант. Еще бы!

Чем больше талантов, тем лучше. Но надо ли доказывать, что, и не обладая редкостным, выдающимся даром, можно хорошо, добросовестно, с полной отдачей делать свое дело? А для этого нужно прежде всего, превыше всего — знать, любить, беречь и никому не давать в обиду родной наш язык, чудесное русское слово.

Это — забота каждого настоящего литератора и каждого истинного редактора.

* * *

Снова выходит книжка. И каждое издание приносит новые письма от читателей. О чем-то люди со мной спорят, что-то советуют. Но в главном согласны все. Люди самые разные — вчерашняя школьница и заслуженный профессор-медик, геолог, инженер-строитель, пенсионер и горняк — разделяют тревогу, которой продиктована эта книжка: что же творится с нашим родным языком? Как защитить и сохранить наше слово?

Почти в каждом письме — выписки и даже вырезки: новые образчики словесного варварства. Да и у автора за это время накопилось вдоволь новинок — печальное свидетельство того, что все до единой болезни языка, о которых говорилось в книжке, отнюдь не сходят на нет. Штампы забивают живое, хорошее слово (об этом —

главки «Откуда что берется?», «Словесная алгебра»), а глагол вытесняют полчища отглагольных существительных («Жечь или сушить?»). Пишущие без конца сталкивают друг с другом слова, не сочетаемые по смыслу, стилю, фонетике («На ножках»), по национальной и социальной окраске («Мистер с аршином»), по чувству и настроению («Когда гложет душа»), калечат исконно русские народные речения и обороты («Свинки замяукали»).

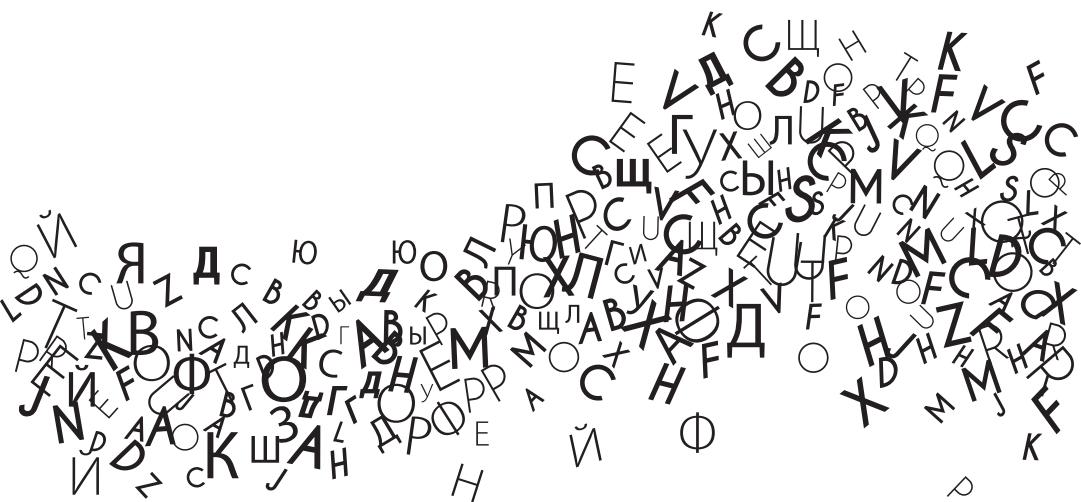
Особенно щедро, увы, пополняет жизнь главки о том, как назойливо захлестывает нас поток иностранных слов («А если без них?», «Куда же идет язык?»), о том, как отвыкают люди обращаться со словами образными, редкими («Мертвый хватает живого»), об ошибках, вызванных недостатком культуры («Предки Адама»).

И практика и письма читателей показывают: штампы и канцеляризм становятся чуть ли не нормой. Тем важнее с ними воевать — каждому на своем месте.

Некоторые читатели говорили и писали мне, что они пользуются этой книжкой в повседневной работе: редакторы — при правке рукописей, преподаватели — на лекциях и семинарах. Значит, книжка работает. Это — самая большая награда автору.

Сердечное спасибо всем, кто мне писал. И если кому-нибудь из них попадется на глаза это новое издание и он узнает здесь свою лепту, прошу принять за нее мою искреннюю благодарность.

*БЕРЕГИСЬ
КАНЦЕЛЯРИТА!*

Откуда что берется?

Молодой отец строго выговаривает четырехлетней дочке за то, что она выбежала во двор без спросу и едва не попала под машину.

— Пожалуйста, — вполне серьезно говорит он крохе, — можешь гулять, но *поставь в известность* меня или маму.

Сие — не выдумка фельетониста, но подлинный, ненароком подслушанный разговор.

Или еще: бегут двое мальчишек лет по десяти-двенадцати, спешат в кино. На бегу один спрашивает:

— А билеты я тебе *вручил*?

И другой, пыхтя, отвечает:

— Вручил, вручил.

Это — в неофициальной, так сказать, обстановке и по неофициальному поводу. Что же удивляться, если какой-нибудь ребяенок расскажет дома родителям или тем более доложит в классе:

— Мы ведем борьбу за повышение успеваемости...

Бедняга, что называется, с младых ногтей приучен к канцелярским оборотам и уже не умеет сказать просто:

— Мы стараемся хорошо учиться...

Одна школьница, выступая в радиопередаче для ребят, трижды кряду повторила:

— Мы провели большую работу.

Ей даже в голову не пришло, что можно сказать:

— Мы хорошо поработали!